

**В** ТЕАТРАЛЬНОЙ среде была в расходе любительная мудрость: мол, каждому актеру дано в жизни вызвать строго определенное количество смеха и исторгнуть строго определенное количество слез. Видимо, в силу этого изустного «закона» сохраненная энергия улыбок и стелания, трагика в быту чаще всего бывали народом розовым, легким, веселым, они весело кутили, весело любили и весело разучивали Отелло и Гамлета; комики, наоборот, в миру чаще всего оказывались мрачными циниками, тяжеловесными меланхоликами, ужимками молчаливками.

Комик Колобакин был человеком задорным, балагурным, острозлобным, гордым на шутки и озорство, широким хлебосолом, с душой нарасташку, отматывавшим ночи напролет «насчет биллиарда», неугомонным охотником и потому немислимым вруном. В этом смысле он из стаи славных актерских вралей — Н. Рыбакова, П. Степанова, М. Строительова (о последнем мамуарист уверяет, что в сравнении с ним барон Мюнхгаузен просто мальчишка и щенок). Словом, неизмеримо вдохновенно лакомым до жизни.

Как у любого провинциального актера, биография Ивана Васильевича Колобакина полна белых пятен, и я не поручусь, что заполнимых. Начинаются они с рождения. Современники оставили нам две даты — 1830 и 1834 годы. Оба представляются мне неубедительными. Самым верным годом его рождения следует считать 1832 год (и не потому, что он «средний», просто дворянские дети поступали в университет в семнадцативосьмнадцатилетнем возрасте; именно в этом возрасте приехали в Москву товарищи Колобакина по рязанской гимназии Арк. Эдельсон и будущий известный историк Д. Иловайский).

Итак, Колобакин увидел свет в Рязани, в небогатой дворянской семье. Его детские и гимназические годы скрыты от нас непроницаемой пеленой. Известно лишь, что в гимназии он стал убежденным словесником благодаря учителю русского языка Крастелеву, на свой страх и риск читавшему курс литературы не по официальной программе, и, по-видимому, «отравился» сценой, а правильно сказать — заразился лицедейством.

Колобакин был с безмерной щедростью взыскан милостями природы. Она дала ему рост и сложение Геркулеса, силу былинного богатыря. Русское актерство вообще славно своими силами. Н. Рыбаков, М. Докучаев, бас московской оперы В. Демидов, Н. Балкашин, В. Днепрова, В. Гиляровский, Веракин (выведенный Островским в «Лесе» в рассказе Счастливец под именем Бичевкина) и подковки ломали, и пятаки гнули, и крендели из вилок делали, и лошадок за передние ноги на воздух взметали. Но первый из первых среди них, без сомнения, наш герой. Он играючи поднимал восемнадцать пудов, носил на себе двадцать шесть. В студенческие годы он быстро стал всеуниверситетской знаменитостью, когда победил «при честном при всем народе» непобедимого полового Семена. Сидя на полу, они перетягивали ко чергу.

«Ванечка... свободно приподнял соперника с полу, — вспоминает очевидец, — и, как легкий нуль, перекинул его через себя, сдержал на руках и об пол не шлепнул. Опыт повторен был с равным успехом три раза...»

А однажды, играя в Нижнем Новгороде на ярмарке, шел Ванечка с приятелем рядами на Нижнем базаре. На глаза им попалась чугунная баба, которой рабочая артель забивает сваи. — А вот тебе, Ванька, эту штуку не осилить! Ни слова не говоря, Колоба-

кин обнял «бабу» и пронес десятка два шагов. А весу в «бабе» было, почитай, более двадцати пудов!

Видавший эту картину сторож ошалело перекрестился и с ужасом произнес: «Что ты, черт аль человек!», — и больше ничего не мог произнести...

При своей чудовищной силе Колобакин по характеру был глубиной кротости, «прекрасное дитя в жизни». И притом был человеком неизмеримой доброты и отзывчивости. Он сам говорил о себе, что добр, как все большие собаки, намекая на своего четвероногого друга-дого, с которым не расставался никогда, даже в театре, и с которым поэтому связано немало забавных приключений (об одном из них в рубрике «Театральные курьезы» рассказала «Литературная Россия» в № 32 за 1983 г.).



«Доброта его доходила до евангельской заповеди, — вспоминал университетский товарищ, — и он буквально не один раз исполнял ту, которая повелевает отдать ближнему своему рубашку.»

Однажды в воронежский театр, где тогда служил Колобакин, пришло письмо из Таганрога от вдовы умершего там актера; она с детьми осталась без гроша в кармане, не на что было даже похоронить покойника. Умершего актера никто в воронежской труппе не знал, однако тут же составились подписка: кто дал рубль, кто три, кто двадцать копеек... Колобакин отдал последнюю «красненькую», которую с нетерпением дожидались дома жена и дочь... И пошел к ним в трескучий мороз в одном, что называется, «срам-пальто»...

Давно замечено, что природа любит крайности. Коли она щедра, то щедра в расшир, коли скупа, так уж скупа по-гарпагонски. Колобакин был ее любимцем. Она наделила его мягким, чистым, звучным, удивительно красивым бархатистым басом. Он с неизменным успехом пел в тесной компании под вкрадчивые гитарные переборы, но огромной впечатляющей силой достигало его пение в спектаклях.

«Как пел Колобакин в этой роли (Бородин в «Не в свои сани не садись», — А. Д.) песни: «Сяду я на лавочку» и потом «Вспомни, вспомни, мой любезная» — другие Бородин так не певали, — писал строгий и ответственный в оценках наблюдатель А. Стахович. — Слышал я в мою жизнь много хороших певцов русских народных песен и в народе, и на сцене... но как Колобакин пел «Задуй задуй, непогодущка», не слышал никогда, да и вряд ли услышу.»

Отсюда же, от пения, — вскусная, душистая, с пленительно-неуловимыми придыханиями, завораживающими паузами музыкальная народная речь. В его говоре была та тайна сказительности, которую и тогда-то знали немногие и которая ныне утрачена совсем. «Народным языком владеет Колобакин в совершенстве, натуры бездна...» — свидетельствует современник.

Не менее, чем дьявольская сила, популярность среди студенчества принесли Колобакину и его комические рассказы, которые он уморительно представ-

лял в лицах. О них-то и прослышал А. Н. Островский. Он сразу был очарован и характером, и нравом, и талантом Колобакина-рассказчика.

Островский ввел нашего героя в кружок так называемой «молодой редакции» журнала «Москвитянин», в которую входили еще Аполлон Григорьев, Евг. Эдельсон, Б. Алмазов, Третий Филиппов. Постоянным членом этого содержания был Садовский. С Колобакиным образовалась группа веселой, живой, остроумной молодежи, прозванной «оглашенными». Вот тут-то проявился еще один прекрасный дар Ванечки — он оказался неподражаемым мимом. Разыгрываемые им или в паре с К. Мальцевым сценки вызвали приступы гомерического хохота у молодых «москвитянинов». Особый фурор вызвала сценка, изображавшая молящуюся стару-

ху и злую собаку, все норовившую схватить ее за ногу. Старуха и отбрыкивается, и кладет молитвенные поклоны одновременно. Наконец обе достигают своей цели: собака укусила-таки бабку, а та пребольно лягнула пса. Вырывающийся одновременно крик и визг завершали картинку.

Да, комическая струя неудержимо била в крови Колобакина, и первым это заметил все тот же Островский:

«Эти рязанцы по природе уже тановы, что... без шутки и с лавки не свалются... Антерская жилка у всех рязанцев природенная... Надо же ведь случиться тому, что и Садовский ридился рязанцем.»

Жизненная круговерть Колобакина начинается с этих дней. Начать с того, что поступить ему пришлось на медицинский факультет, ибо все иные в связи с революционными потрясениями в Европе были прикрыты. Дочитывая латынь, анатомия и прочие эскулапские сумасудрия вызывали в нем нестерпимое отвращение, и прикипел час, когда наш герой на всем этом поставил крест. Воспользовавшись рекомендацией Островского, он поступает помощником капитана волжского парохода «Гермоген». Но судьба предназначала ему иное поприще и потому подстроила так, что Колобакин быстрехонько посадил свою посудину на мель и был с позором вышвырнут из пароходства вон.

Куда податься? В актеры, куда ж еще! И вот уже замелькали города, антрепризы, товарищества, пошли пять новых ролей в неделю, без выбора, без раздыха...

Как играл Колобакин? Как и о любом провинциальном актере, это можно представить лишь в самых общих чертах. Газеты не раз попрекали его нетвердым знанием ролей и небрежным отношением к ним. Было такое? Было!

«По моему мнению, глупые пьесы следует играть как можно сиверее, — замечал М. Е. Салтыков-Щедрин. — Это обязанность всякого уважающего себя антера.»

Колобакин уважал себя и потому в точности следовал мысли великого сатирика. Иной раз делал это даже демонстративно, словно тыча пальцем в бессмысленность и несуразность авторских потуг — со свойственным ему залихватством, озорством и скоморошеством (см. «Театральные курьезы», «Литературная Россия», 1983, № 37).

Зато «с каким восторгом принимался он за дельную роль, как обдумывал ее, с какой любовью выслушивал всякое замечание; никогда не случалось нам видеть, чтобы Колобакин в пьесах даровитых писателей сыграл по суфлеру.»

Веселые москвитянинские дни вошли в его судьбу пожизненной верностью двум богам — Островскому и Садовскому. Колобакин играл во всех пьесах своего старшего друга, которые появились до его трагической гибели, и те именно роли, которые в Москве играл Садовский. (Исключая «Свои собаки грызутся, чужая не приставай») и «За чем пойдешь, то и найдешь» из трилогии о Балзминове, где ролей ему, как и Прову Михайловичу, не было.)

Колобакина словно сжигала какая-то благородная жадность и ненасытность к пьесам русских классиков, казалось, будь его воля, он бы играл в них все роли подряд. Я затрудняюсь назвать другого актера, который бы столь часто исполнял в одной пьесе по две роли: «Ревизор» — Городничий и Осип, «Не в свои сани не садись» — Бородин и Русаков, «Бедность не порок» — Гордей и Любим Торцовы, «Гроза» — Тихон и Дикой, «Горе от ума» — Фамусов и Горич...

Обладая выдающейся по выразительности мимикой, Колобакин (отличный, между прочим, рисовальщик) вслед за Садовским и в полном соответствии с драматургической поэтикой Островского главным инструментом избирает слово. Основной краской образа становится драматическое движение фразы, а не занимательная подробность эпизода и даже сцены в целом. Недаром рецензенты, говоря об образах Колобакина в пьесах Островского, всегда выделяют именно отдельные, остро врезающиеся в память фразы. Рассказывая о Тихоне, критик «Русской сцены» отмечает:

«Роль эту исполнял г. Колобакин очень просто и верно; особенно хороши у него минуты, тогда Тихон собирается уезжать и на просьбу жены взять ее с собой отвечает: «С этой-то неволи от какой хочешь красавицы жены уебжись!»... И в пятом акте, в сцене с утопленницей, когда горячо вспыхивает доброе начало в слабой натуре Тихона, протестуя против окружающего.»

Потому-то исполнение его отличалось редкостной простотой и строгой выдержанностью рисунка.

«Никогда Колобакин не угождал публике, не гнался за аплодисментами; а его художественной игре никогда не было и тени фарса», — пишет первый его биограф. «Признаюсь, мы боялись за Подхалюзина («Свои люди — сочтемся»). — А. Д.: г. Колобакин большой мастер смеяться, и смешил он очень мило; почему-то нам казалось, что и из Подхалюзина он сделает нечто смешотворное. Очень рады, что обманулись в своем предположении...» — читаем в «Воронежских губернских ведомостях». И там же: «Игра г. Колобакина всегда проста и натуральна. Если он смешил (а в этом его специальность), то это смешное выходит у него само собою; в этом смешном не видно усиленного желания насмешить, а потому и смеешься всегда от чистого сердца, самым веселым смехом.»

Есть свидетельства, что Колобакин очень умело, с тонким расчетом использовал свою гигантскую фигуру. Можно себе представить, какой комический эффект обретали кочкаревская настырность, шелудивая одержимость действовать, хлопотливость, безудержная стремитель-

ность, отлитые в такие могучие формы. Недаром же А. Стахович считал его лучшим после Щепкина Кочкаревым. Воронежский рецензент в «Доходном месте» особо выделяет танец Юсова в трактире — «По улице мостовой». Так и видишь, как пол и натурально ходит под этакую колодой, половички-то так и потрескивают, так и гудят!..

Существовал очень простой, но и самый верный и надежный способ определить творческие пристрастия актера, меру его художественной ответственности, а равно и степень его бескорыстия — бенефисы. Их хоть и величали актерскими именами, но хлебные интересы почти всегда одерживали верх. Свести и стыду строго-настроено приказывали прикусить язык и пускались во все тяжкие. Коноводом служила афиша — на нее плюхали названия позабористей, репертуарные верянки. Искусшение бенефисом не всегда выдерживали даже Щепкин и Шумский.

В Нижнем в свой бенефис Колобакин ставит только что выпростанное из тисков цензуры «Горе от ума», причем принимает на себя крохотную роль Платона Михайловича. В Воронеже, где играл последние шесть сезонов, он ставит «Горькую судьбину», и в роли Анания у него «было много правды, чувства и души»; и, конечно же, обожаемого Островского — «Доходное место», «Не так живи, как хочется», «Шутники»... Вообще, в продвижении драматургии Островского на провинциальную сцену Колобакину принадлежит ничем не измеряемая заслуга, в этом отношении с ним, пожалуй, никто не сопоставим.

В глазах современников «он имел все, чтобы быть на московской сцене преемником Садовского». Но костлявая уже поджидала его...

К большому огорчению почитателей В. Гиляровского, должен сказать, что его картина убийства Гриши Кулебина, набросанная в книге «Люди театра», соткана фольклорными стежками. Об этом надо прямо сказать не только ради исторической правды, но главным образом потому, что пущенная писателем в оборот легенда оказалась крайне живучей. Не далее как два года назад ее повторил, например, альманах «Современная драматургия».

На деле все обстояло следующим образом. Будучи проездом через город Балашов Саратовской губернии по дороге на урюпинскую ярмарку, Колобакин сыграл там несколько спектаклей. После «Свата Фадеича» Н. Чаева некто Докукин, проматывавший остатки отцовского именина, начал в буфете пьяно критиковать актера. Это бы ничего, но он потянул к актеру и руки. Тут даже тихий и невозмутимый Колобакин не сдержался: взял он обидчика за шиворот, приподнял одной рукой и небрежно спустил с лестницы. Все бывшие при этой сцене бросились мирить повздоривших. Те подали друг другу руки, распили по такому случаю бутылку шампанского и разошлись. Колобакин не успел еще заснуть, как в дверь его гостиничного номера раздался стук и ласково-елейный голос позвал его по имени. Иван Васильевич спокойно открыл дверь и тут же рухнул, будто подкошенный: пуля, выпущенная из винтовки, попала ему в живот. Промучившись несколько часов, актер скончался.

Провинциальные актеры часто умирали в достаточно молодых летах — от зловещей, многоохватной чохотки, от неусыпных батальи с бутылочными батареями, от отчаянной безысходности. Но гибель от пули негодяя...

Страница истории русского театра «Иван Колобакин — актер Островского» была перевернута с трагическим шелестом.

Андрей ДЬЯКОНОВ